

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОСТОЯНИИ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследователями Витебского государственного университета им. П.М. Машерова совместно с учеными Смоленского гуманитарного университета в 2013–2014 гг. был проведен компаративистский анализ состояния преступности и криминальной виктимности в соседствующих регионах Беларуси и России. Исследование проводилось в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Криминальная виктимизация населения приграничных районов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области): сравнительный анализ», выполняемого на основе грантов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) и Российского гуманитарного фонда (РГНФ). Обобщенные результаты исследования были представлены в монографии «Криминальная виктимизация населения приграничных районов России и Беларуси (Смоленская и Витебская области): результаты компаративистского виктимологического исследования». В издании рассматриваются некоторые результаты проведенного исследования, отражающие общее и особенное в состоянии преступности и виктимности населения РФ и Республики Беларусь.

Как показало проведенное исследование, в последние 10 лет в РФ и Беларуси очевидна тенденция сокращения объема преступности, начиная с 2006 г., и соответственно снижения числа потерпевших от преступлений.

Так, в РФ в 2006 г. было зарегистрировано около 4 млн преступлений и почти 3 млн потерпевших, то в 2015 г. зарегистрировано около 2,35 тыс. преступлений и около 1,66 тыс. человек признано потерпевшими (сокращение почти в 2 раза). В Беларуси в 2006 г. зарегистрировано 191,5 тыс. преступлений и 163,5 тыс. потерпевших, а в 2015 г. – около 97 тыс. преступлений и 68 тыс. потерпевших (сокращение в 2,5 раза).

Тем не менее объем преступности в обеих странах сохраняется на высоком уровне начала 2000-х гг.

Следует отметить, что статистика за 2015 г. и начало 2016 г. свидетельствует, что тенденция снижения показателей виктимности и преступности уже в прошлом: в РФ увеличение указанных показателей 2015 г. по ср. с 2014 г. – около 8 %, в Беларуси – около 5 %.

Уровень преступности (число преступлений в расчете на 100 тыс. населения) в РФ выше по сравнению с Республикой Беларусь примерно в 1,5 раза: в 2015 г. он составил соответственно 1 632 и 1 024.

Уровень (коэффициент) виктимности (число потерпевших на 100 тыс. населения) в РФ по-прежнему значительно превышает соответствующий показатель в Республике Беларусь (2015 г. – соответственно 1 130 и 715).

Среди лиц, признанных потерпевшими от преступных посягательств, незначительно преобладают мужчины. Доля женщин среди жертв преступлений в РФ составила около 47 %, в Республике Беларусь – 43 %. Женщины чаще становятся жертвами преступлений в сфере семейно-бытовых отношений (более 70 % потерпевших); особо следует отметить их достаточно высокий удельный вес (около трети) в числе жертв преступлений, которые не работали и не учились, либо находились в состоянии алкогольного опьянения.

Лица наиболее трудоспособного возраста (30–49 лет) составляют самую многочисленную группу потерпевших от преступлений всех видов (более трети).

Удельный вес несовершеннолетних в числе потерпевших за 2015 г. в Республике Беларусь существенно выше соответствующего российского показателя: 14 % и 6 %.

Следует отметить сохранение тенденции последних лет – повышения доли потерпевших лиц старшей возрастной категории. Так, в 2015 г. в Республике Беларусь пенсионеры составили 13 % всех жертв преступлений.

Не работающие и не учащиеся составляют, примерно, треть от числа всех потерпевших, при этом их удельный вес среди жертв особо тяжких преступлений (убийства, причинения смерти по неосторожности, умышленных причинений тяжких телесных повреждений) еще выше – более 50 %.

В состоянии алкогольного опьянения находилось более 20 % потерпевших, при этом их удельный вес среди жертв убийств превышает 40 %, умышленных причинений тяжких телесных повреждений – 50 %, изнасилований – 20 %.

Анализ статистических данных позволяет составить среднестатистические обобщенные портреты преступника и его жертвы. Среднестатистический преступник – мужчина (73 %), обладающий гражданством страны совершения преступления (свыше 98 %), возраст – от 30 до 40 лет (60 %), не имеющий постоянного источника дохода (свыше 55 %), со средним образованием (свыше 80 %), холостой (свыше 85 %).

Среднестатистическая криминальная жертва – мужчина (свыше 50 %), в возрасте 30–49 лет (свыше 35 %), не имеющий постоянного источника дохода (свыше 30 %).

Заметим, что портрет криминальной жертвы на основе статистических данных не столь конкретен и очевиден, как обобщенный портрет преступника. Совокупность лиц, совершающих преступления, более устойчива с точки зрения социально-демографических показателей; разброс же по этим показателям потерпевших от преступлений существенно больше, и сама эта категория лиц в меньшей степени поддается обобщению.

Еще одна очень важная проблема связана с высоким уровнем латентности как преступности в целом, так и латентности виктимной. Латентность преступности, как показывают исследования, составляет не менее 60 %, то есть фиксируется официально, в лучшем случае – от четверти до трети всех преступлений.

Поскольку большую часть латентной преступности составляет так называемая естественная латентность (жертва не сообщает о преступлении), очевидно, что не менее высокой является и латентность виктимная.

Проведенный в 2014 г. опрос населения Смоленской и Витебской областей показал, что жертвами различных преступлений в течение жизни становились: среди опрошенных смолян – 13 % неоднократно и 33 % единожды; среди витебчан – 10 % неоднократно и 24 % единожды. В течение последних трех лет жертвами преступлений становились (согласно опросу), 21 % смолян и 15 % витебчан. По официальному данным потерпевшими за последние три года было признано в Витебской области – около 20 тыс. человек или около 2 % населения, в Смоленской области этот показатель составил около 3 %. Даже с поправкой на возможные погрешности репрезентативности опроса, разница – более чем в 5 раз.

Как показало исследование, серьезную проблему представляет также пассивное поведение потерпевших в уголовном процессе. По данным виктимологического опроса, значительная часть потерпевших, обратившихся в правоохранительные органы – 42 % российских и 60 % белорусских, в судебном разбирательстве по факту совершения в отношении их преступления не участвовала. Среди тех, кто принимал участие в судебном разбирательстве, удовлетворенными его результатами оказалось лишь 25 % россиян и 32 % белорусов. Причиненный преступлением вред не был возмещен в рамках рассмотренных уголовных дел в отношении 34 % российских и 37 % белорусских потерпевших.

Очевидно, что преступности и виктимизации, как массовым антиобщественным явлениям, общество должно противопоставить эффективно действующую систему социального контроля преступности и обеспечения прав потерпевших от преступлений.

УДК 343.213.5

А.М. Сяргейчык

БОЛЬШ СПРЫЯЛЬНЫ КРЫМІНАЛЬНЫ ЗАКОН: ПРАБЛЕМА ТЭРМІНАЛАГІЧНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ

Гаворачы аб тэрміналагічным забеспячэнні тэмпаральнага функцыянавання крымінальнага закона, нельга абысці ўвагай праблему пэўнага тэрміналагічнага разнабою, які назіраецца ў юрыдычнай літаратуры пры вызначэнні крымінальнага закона, які падлягае прымяненню ў адносінах да асоб, якія ўчынілі злачынства да ўвядзення яго ў дзеянне.

Большасцю вучоных (М. І. Блум, Ф. Ліст, А. М. Мядзведзеў, А. А. Ціле і інш.) выкарыстоўваецца тэрмін «больш мяккі закон». Сустрадаецца ён і ў нарматыўных прававых актах, напрыклад у рашэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 21 кастрычніка 2003 г. № Р-160/2003 «Аб падставах перагляду прысудаў у адпаведнасці з правіламі аб зваротнай сіле крымінальнага закона» і шэрагу іншых.

Радзей у крымінальна-прававой дактрыне выкарыстоўваецца вызначэнне «больш спрыяльны закон» (рус. – благоприятный) (А.Я. Якубаў і інш.).

Тэрмін «больш спрыяльны закон» выкарыстоўваецца таксама на заканадаўчым узроўні ў шэрагу крымінальных кодэксаў замежных дзяржаў. Так, больш спрыяльнымі (gunstige) падобныя законы называюцца ў ч. 2 арт. 1 Крымінальнага кодэкса Нідэрландаў.

Шэраг навукоўцаў выкарыстоўваюць выраз «больш паблажлівы закон» (рус. – снисходительный). Так, А.М. Ярасаў адзначае, што «гістарычнае развіццё крымінальнага заканадаўства ў частцы рэгламентацыі рэтраактыўнасці крымінальных законаў сведчыць аб існуючай тэндэнцыі яго гуманізацыі ў выглядзе паслядоўнага звужэння практыкі выкарыстання зваротнай сілы больш строгіх крымінальных законаў пры адначасовым пашырэнні межаў зваротнага дзеяння крымінальных законаў, больш да вінаватага паблажлівых».

Разбярэм прыведзеныя варыянты.

У адпаведнасці з ч. 2 арт. 9 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь зваротную сілу мае закон, які ўстараняе злачыннасць дзеі, змякчае пакаранне або іншым чынам паляпшае становішча асобы, якая ўчыніла злачынства.

Прымаючы пад увагу дадзенае заканадаўцам вызначэнне, уяўляецца немэтазгодным пры вызначэнні закона, што падлягае прымяненню ў адносінах да асоб, якія ўчынілі грамадска небяспечную дзею да набыцця ім моцы, выкарыстоўваць тэрмін «больш мяккі закон», бо словазлучэнне «больш мяккі» карэлюе па значэнню з выразам «які змякчае» (рус. – смягчающий), які выкарыстоўваецца заканадаўцам для вызначэння закона, які адрозніваецца больш мяккай санкцыяй (закон, які змякчае пакаранне). Інакш кажучы, больш мяккімі крымінальнымі законамі не вычэрпваецца пералік законаў, якія падлягаюць прымяненню ў адпаведнасці з ч. 2 арт. 9 КК.

Тут, аднак, неабходна адзначыць, што беларускі заканадавец праяўляе пэўную тэрміналагічную дваістасць: з аднаго боку, ўжывае выраз «які змякчае» (рус. – смягчающий) пры вызначэнні крымінальнага закона, які мае больш мяккую санкцыю (крымінальны закон, які змякчае пакаранне), з другога ж боку, разумее пад больш мяккім закон, які ўстараняе злачыннасць дзеі, змякчае пакаранне або іншым чынам паляпшае становішча асобы, якая ўчыніла злачынства. Так, ч. 4. арт. 9 КК гаворыць: «Калі крымінальны закон, які дзейнічаў падчас учынення злачынства, быў адменены або зменены крымінальным законам, які ўстараняе злачыннасць дзеі, змякчае пакаранне або іншым чынам паляпшае становішча асобы, якая ўчыніла злачынства, але да часу рассяледавання крымінальнай справы або разгляду справы ў судзе набыў моц іншы больш строгі крымінальны закон, прымяненню падлягае найбольш мяккі прамежкавы закон».

Цяпер разгледзім лексічныя значэнні прыметнікаў паблажлівы і спрыяльны. Звернемся да «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» пад рэдакцыяй М.Р. Судніка і М.Н. Крыўко». Паблажлівы – нястрогі, непатрабавальны; мяккі, велікадушны. Спрыяльны – які садзейнічае, памагае (ад дзеяслова спрыяць – садзейнічаць, памагаць). Як бачна, нягледзячы на семантычную блізкасць дадзеных прыметнікаў, іх лексічныя значэнні не тоесныя. Так, прыметнік «паблажлівы» мае адценне значэння, што збліжае яго з выразам «які патурае» (ад дзеяслова «патураць» – некрытычна ставіцца да чаго-небудзь заганага, адмоўнага).

Зразумела, што заканадавец, фармулюючы правіла аб прымяненні крымінальнага закона, які ўстараняе злачыннасць дзеі, змякчае пакаранне або іншым чынам паляпшае становішча асобы, якая ўчыніла злачынства да набыцця такім законам моцы, не меў на ўвазе патураць такой асобе. Адпаведна, тэрмін «больш паблажлівы крымінальны закон» не зусім дарэчны ў разглядаемым кантэксце.

Што тычыць тэрміна «больш спрыяльны крымінальны закон», то, зыходзячы з лексічнага значэння прыметніка «спрыяльны» (які садзейнічае (у разгляданым выпадку – рэалізацыі крымінальна-прававога прынцыпу гуманізму), памагае (асобе, якая ўчыніла злачынства, шляхам паляпшэння яе ранейшага становішча), можна зрабіць выснову, што дадзены тэрмін ў семантычным сэнсе найбольш дакладна адлюстроўвае ўкладваемае ў яго крымінальна-прававой дактрынай значэнне закона, што ўстараняе злачыннасць дзеі, змякчае пакаранне або іншым чынам паляпшае становішча асобы, якая ўчыніла злачынства.